

Если от бомбежек можно было спрятаться, то от голода никуда не деться

Ольга Андреевна РОМАНОВА родилась в 1930 году в Песочном. В нашем поселке ее семья встретила начало войны, в начале блокады уехала в Ленинград, но потом вернулась. Сегодня мы публикуем воспоминания Ольги Романовны о самых трудных днях жизни, записанные краеведом Любовью Федоровной Бронзовой.

«22 июня 1941 года мы с мамой пошли в Дибуну к моей крестной. На обратном пути увидели толпу людей, которые внимательно слушали репродуктор на здании Поссовета — это была речь Молотова. По Вяземскому проспекту (сейчас Советская ул.) шла вереница людей — дачники направлялись к железнодорожной станции, чтобы уехать в Ленинград.

В эту же ночь на нас были сброшены несколько бомб. Сила волн от взрыва была очень сильной, и в некоторых домах вылетели стекла. Мама нарезала из газет полоски и наклеила их крестнакрест на стекла...

В начале августа на Вяземском проспекте утром выстроилась колонна военных машин для эвакуации населения. Мама, наверное, знала об этом, так как всю ночь паковала вещи. Утром мы погрузились на машины и уехали в Ленинград. Выгрузили всех на Кировском проспекте, около памятника «Стерегищий», и мы пошли к маминой сестре на Университетскую набережную. Прожили у нее недолго.

Маме, которая работала детским врачом, дали от работы комнату на улице Жукова в Красногвардейском районе — напротив завода имени Сталина (сейчас Ленинградский металлический завод). Помню, что на углу улицы Жукова и Кондратьевского проспекта была столовая, куда мы ходили есть чечевичную кашу. А немцы сбрасывали листовки: «Чечевицу доедите — город Ленина сдадите».

Мы жили в деревянном двухэтажном доме. Было очень страшно от воя сирен, разрывов бомб, гула немецких самолетов. Мама решила увезти нас обратно в Песочный. Когда приехали в поселок, выяснилось, что наш дом был занят санчастью, и нам пришлось жить на кухне у соседей. Начался страшный голод. Если от бомбежек можно было спрятаться, то от голода никуда не деться. Это самая страшная вещь на свете.

В декабре папу ранило осколком на Финляндском вокзале, когда он возвращался домой с работы (папе на начало

войны было 60 лет, поэтому от воинской службы он был освобожден). Его отвезли в больницу, а когда выписали, он был очень слаб — потерял много крови при ранении. В декабре 1941 года папа умер. Рабочие сделали ему гроб, но за могилу надо было платить хлебом, которого у нас не было, а в братскую могилу в гробу не хоронили. Мама сказала, что пусть гроб останется для нее. Она уже не работала и очень болела. Ее хотели положить в больницу, но не успели. Мама умерла...

Несколько дней не было хлеба по карточкам — в нашей пекарне не было муки. Сестра стояла за хлебом три дня, а когда всё же принесла хлеб, мама уже умерла. Мы на крышке гроба спустили ее со второго этажа в сарай. Это был январь 1942 года. И папа, и мама похоронены на Песочинском кладбище.

Вскоре наш дом освободили, и мы с сестрой перебрались к себе. В это время мне было 11 лет, сестре — 18. Дров почти не было, так что к голоду подкрался еще и холод.

Пока были еще какие-то силенки, мы с сестрой ночью спилили в саду небольшую березу, затащили ее на террасу, распилили. Жгли всё, что можно было. С какого-то времени сестра перестала вставать с кровати — вероятно, отдавала часть своего пайка мне, и заставляла меня ходить за хлебом, который выдавали в доме №7 по Вяземскому проспекту. А я еле передвигала ноги.

Помню, как променяла мамино зимнее пальто на 200 граммов хлеба. И этот хлеб отнял у меня мальчишка, когда я подходила к дому. Он уткнулся в снег и съел его. Я не держу зла на него, очень уж он был изможденный, справиться с голодом не мог.

Однажды удалось обменять не помню что на кусок телячьей кожи. Мы варили эту кожу и пили бульон. Потом я променяла отрез японского бархата (дядя Миша был военным атташе в Японии) на полбуханки хлеба. Мы с сестрой отрезали горбушку и променяли ее на ма-

Помню, как променяла мамино зимнее пальто на 200 граммов хлеба. И этот хлеб отнял у меня мальчишка, когда я подходила к дому. Он уткнулся в снег и съел его.

ленькую бутылочку олифы. Мякиш хлеба крошили в кипяток, добавляли олифы и ели — было вкусно. Потом менять стало нечего. Плиты мы не топили, а только круглую печку, так как варить было нечего, да и дров-то не было.

Не помню, чтоб нам на карточки давали еще что-нибудь кроме хлеба зимой 1941—1942 года. Однажды на детскую карточку дали 50 граммов мяса, так я, пока шла домой, всё съела.

По домам ходили учителя, собирали детей в детский дом, но сестра сказала, что умирать будем вместе дома. Не помню, чтоб мы о чем-то говорили или думали. Были мы полумертвыми, ходячими трупами. Так тяжело прожили мы первую военную зиму.

Весной 1942 года малость ожили — солнышко, трава. Сестра пошла работать в пожарную часть. Там ей выдали рабочую карточку, а меня она устроила

Ольга Романова, 1941 г.

в детский дом на Лидинской улице (сейчас Школьная). Детский дом открыли в начале февраля 1942 года. Детей было очень много и все разного возраста — от маленьких до больших ребят. В апреле нас должны были эвакуировать, но сестра не согласилась, и я стала жить с ней в пожарной части. Я ходила рвать лебеду — всю крапиву съели — потом из нее лепила лепешки и жарила прямо на плите без сковороды.

Сестра летом ушла на фронт, а я снова попала в наш детский дом. 9 августа 1942 года нас эвакуировали. Говорят, что это была последняя эвакуация детей. Песочинский детский дом соединили вместе с Парголовским. В Парголово нам сшили мешочки за плечи, мы положили туда наши скудные пожитки, и повезли нас на Финляндский вокзал. Посадили в вагоны, принесли нам мучную кашу с маслом, и мы готовы были уехать хоть на край света за эту кашу. На станции Всеволожск к нам присоединили еще детдома из Всеволожска, Лисьего

Носа, Лахты и стали мы называться Всеволожским детским домом №64.

На станции Ладожское Озеро нас стали грузить на катера. Сходни были узкие: кто падал в воду, кого несли, кто карабкался как мог. Катеров было много. Я попала на катер, где был дом «Малютка». Дети плакали, кричали. Было очень душно, но выходить на палубу было нельзя. Был слышен вой зениток, кружили самолеты, наверное, наши — чтобы не допустить налета немецких бомбардировщиков. Рано утром мы были на другом берегу — на «Большой земле». Недалеко от берега, куда нас привезли, была очень большая церковь. Помню каменный пол, куда мы все и повалились, подложив под головы свои мешочки. День был солнечный, теплый, кругом кусты голубики, небольшой березняк. Мы стали есть ягоды. Послышался гул самолетов, нам скомандо-

вали снять с головы белые платочки и скрыться в березняке.

В березняк по узкоколейке подогнали товарный состав, туда нас погрузили, задвинули двери. Состав мчался очень быстро, и мы на нарах катались из стороны в сторону. Через какой-то промежуток времени состав останавливался, открывались двери, подавали горячую пищу в ведрах, двери задвигались, и состав мчался опять.

Наша эвакуация была благополучная — потеряли немного детей, и самая короткая по времени. В конце августа мы прибыли на конечную станцию Котельнич, где нас уже ждал обоз лошадей. Погрузили нас по 2—3 человека на подводу и повезли вдоль деревень и сел. Помню раннее утро. Избы в два ряда, а вдоль домов высыпал народ — и стар, и млад. Гул стоял на всю деревню: «Ленинградских детей везут».

У всех женщин в передниках что-то было: у кого хлеб, у кого горячая картошка, у кого молоко, овощи. Все плакали, глядя на нас, истощенных и измученных дорогой детей. Наши учителя не разрешали нам много есть, так как знали, что при дистрофии нельзя много есть сразу. А в больших селах нас ждали. Там стояли большие сколоченные столы и скамейки. Нас кормили горячей едой. И снова мы ехали по деревням. И везде нас встречали с такой любовью, желанием обогреть и накормить!

Большое спасибо этим щедрым, добрым людям, которые были готовы отдать последнее нам, ленинградским детям.

Нас привезли в небольшой город Санчурск в Кировской области. Здесь оставили дошкольников, а нас повезли в село Сметанино недалеко от Санчурска. Поселили в школьном здании — девчонок на первом этаже, а мальчиков на втором.

Первую зиму нас кормил колхоз. Картошку варили в мундире — так ее и ели, неочищенную. Весной уже сами сажали огород. Колхоз выделил нам лошадь, корову, овец. Ходили помогать колхозу. Дергали лён, жали пшеницу, копали картофель. Сами пряли лён и шерсть. Вязали шерстяные носки для армии. Этому нас научили местные.

Учились мы в школе с местными ребятами. В детском доме устраивали концерты, на которые собиралось всё село. Весь персонал детского дома к нам очень хорошо относился — жалели нас очень, ведь многие остались сиротами.

Я вернулась в Ленинград в марте 1945 года. Воспитатель Екатерина Семеновна Селезнева получила вызов на себя и на своих двоих детей, и она с собой взяла еще несколько ребят без вызова, в том числе и меня. Так я приехала в Песочный, к сестре. Началась мирная жизнь, но сколько еще трудностей пришлось преодолеть!

В жизни мне встречалось много хороших людей, которые мне помогли. 24 года я проработала в типографии «Печатный двор». Была заседателем в городском суде, депутатом 2-го созыва в Ждановском районе. Каждый год я посещаю Песочинское блокадное кладбище, где на стеле в числе жертв блокады — мои близкие и знакомые односельчане.

Мне очень дорога моя малая родина! Пусть на планете Земля никогда не будет войн! Нельзя лишать детей детства!»